

ОТЗЫВ

на диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук
Бонч-Осмоловской Ольги Андреевны на тему
«Конфуцианская экзегетика в древности и раннем средневековье:
историческая типология конфуцианского комментария»

Диссертационное исследование О. А. Бонч-Осмоловской посвящено одной из важнейших, однако весьма малоизученных областей синологии – конфуцианской экзегетике – и направлено на решение проблемы типологии данной экзегетики и периодизации её истории. В соответствии с этим цель работы определена как «выявление закономерности исторического развития конфуцианской экзегетической мысли раннеимперского и раннесредневекового периодов на основе анализа текстов конфуцианского комментаторского наследия II в. до н.э. – начала VII в. н.э.».

Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения, а также списков сокращений, терминов и использованной литературы. По итогам исследования было выделено три исторических периода развития экзегетики – период развития классической экзегетической традиции и последующей активной передачи авторитетного знания в рамках школьного преемства (II в. до н.э. – II в. н.э.), период научно-критической попытки реконструкции и восстановления экзегетической традиции (II – III вв.), а также период формирования и развития субъективно-индивидуальной экзегетической практики и упадка традиционных линий передач знания (конец III в. – начало VII в.). Кроме того, была предложена классификация конфуцианских комментариев по пяти видам – традиционно-авторитетные, научно-критические, полемические, энциклопедически-сводные и субъективно-авторские, – общим критерием для разделения при этом выступила позиция автора комментария по отношению к традиции.

Безусловно, нельзя не согласиться с утверждением диссертанта о том, что «особую актуальность представляет разработка методологии для упорядоченного описания множества письменных памятников» комментаторской традиции Китая, а также с тем, что исследование конфуцианской экзегетики «открывает путь к лучшему пониманию изменений, происходивших в конфуцианском учении, а также, поскольку эти области были тесно взаимосвязаны, — в сфере традиционного образования и политической деятельности». Новизна работы также очевидна – представленная работа является первым в отечественной синологии специальным исследованием жанров конфуцианского комментария на протяжении II в. до н.э. – VII в. н.э., то есть в период его оформления как значимого явления интеллектуальной культуры Китая.

Отдельно стоит отметить амбициозность поставленной перед автором задачи – не только выделить сущностные особенности каждого из главных жанров комментариев, но комплексно представить развитие этих жанров в исторической диахронии и выделить на основании этого качественно отличные друг от друга периоды развития конфуцианской экзегетики в целом, – с каковой задачей автор успешно справился.

Источниковая база исследования может быть с уверенностью названа фундаментальной и включает в себя наряду с собственно текстами комментариев династийные истории соответствующих эпох и другие ключевые памятники, содержащие сведения об истории конфуцианской экзегетики. Работа богата фактологическим материалом, немалая доля которого впервые представлена в отечественной синологии и,

что ещё более важно, критически осмысlena и обобщена автором, благодаря чему настоящая диссертация без сомнения, имеет значительную ценность как для исследовательских, так и для образовательных целей.

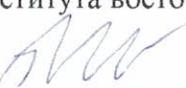
При своих явных и неоспоримых достоинствах диссертация всё же не лишена некоторых погрешностей. Так, наблюдаются единичные недочёты технического характера – отклонения от корректной транскрипции (к примеру, «Хуоцзинпянь» вместо «Хоцзинпянь» на с. 9 и Чэн Юаньминь вместо ЧэнЮаньмина на с. 13), а также неоднобразие в постановке пробелов между словами в названиях источников («Ши цзи», «Цзочжуань» и «ХоуХань шу», но «Шицзин» и «Ханьшу») и в передаче названий канонов: если четыре представителя «Пятиканония» передаются переводом по смыслу («Песни», «Документы», «Ритуалы» и «Перемены»), то пятый – почему-то по транскрипции («Чуньцю»). Всё это, однако, легко исправляется и никак не влияет на научную ценность работы.

Помимо этого, вызывает вопросы утверждение автора о том, что «в отечественной синологической науке систематическое изучение и перевод конфуцианских канонов начались с трудов академика В. М. Алексеева... и его учеников — Ю. К. Щуцкого, обстоятельно исследовавшего текст Перемен..., и А. А. Штукина, осуществившего первый полный перевод Песен на русский язык». При всём уважении к огромному вкладу этих исследователей в рассматриваемую тематику, данный тезис следовало бы пояснить, поскольку каноны переводились и изучались и до В. М. Алексеева (см., например, перевод «Чуньцю» Н. И. Монастырёва, опубликованный в 1876 г., а также исследования конфуцианских канонов перевода отдельных стихов «Ши-цзина» в «Очерке истории китайской литературы» В. П. Васильева 1880 г.). Вероятно, здесь следовало бы пояснить, что именно подразумевается под «систематическим изучением и переводом конфуцианских канонов».

Наконец, нельзя не отметить и некоторую избыточность положений, выносимых на защиту, начальные из которых представляются не нуждающимися в доказательстве и описывающими скорее исходные методологические воззрения автора, чем нечто, доказываемое в ходе исследования (см. положения 1,2,3).

Тем не менее все эти незначительные ограхи не влияют на общее однозначно положительное впечатление от данной новаторской и фундаментальной работы, которая полностью отвечает требованиям, предъявляемым к подобного рода диссертационным сочинениям, а её автор, без всяких сомнений, заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук.

кандидат философских наук,
научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН

09.06.2021 Н. В. Руденко

Подпись Руденко Н. В.
УДОСТОВЕРЕНО
Зав. отделом кадров
«09» июня 2021